

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

Кнорре Бориса Кирилловича на диссертацию Красникова Сергея Васильевича по теме «**Религиозно-нравственная проблематика в творческом наследии М. М. Пришвина**», представленную на соискание ученой степени кандидата теологии по специальности 5.11.3. Практическая теология (по исследовательскому направлению: православие)

После публикации дневников М.М. Пришвина в постсоветское время читатели стали открывать для себя Пришвина не только как певца природы (каковой статус закрепился за ним в советское время), но и как религиозного мыслителя. Выяснилось, что Пришвин очень подробно и глубоко размышлял над вопросами христианской веры, пытался определить для себя, насколько его собственное представление о Боге совпадает с тем образом Бога, который он встречал в церквях, в домах верующих, будь то верующие синодальной церкви или же старообрядцы, из среды которых происходил род Пришвина.

Многие исследователи, в этой связи, фиксируют внимание на том, что у Пришвина достаточно много высказываний, которые тяготеют к православному мироощущению, многие сходятся в представлении о том, что Пришвин большую часть жизни дистанцировался от Церкви, но позже, благодаря влиянию своей второй супруги Валерии Лиорко, прочитал полностью Евангелие, и воцерковился. Кто-то как например Е.Р. Боровская и С.А. Пошина в статье «Христианские ценности в "Кладовой Солнца" М.М. Пришвина» (Вестник ПСТГУ. 2010, № 4(19). С. 38, 41-42) на основе интерпретации известного детского рассказа Пришвина «Кладовая солнца» стремятся показать, что Пришвин проговаривал, хотя и неявно, православные ценности в своем произведении, в частности, озвучивал светским языком ценность смирения и послушания.

Но есть немало исследователей, которые отмечают, что Пришвин гораздо более сложен, чтобы в его творчестве можно было выявить какое-то одно мировоззрение, о чем можно прочитать в критических оценках Алексея Варламова, Яны Гришиной, Е.А. Ерофеевой. Нельзя не принимать в расчет, что каждая эпоха может накладывать свой отпечаток на восприятие того или иного мыслителя. В этой связи, вопрос о религиозно-нравственной проблематике творческого наследия Пришвина, который ставит в своей диссертации диакон С.В. Красников, остается достаточно актуальным.

С.В. Красников справедливо отмечает множество моментов в высказываниях Пришвина, запечатленных в его текстах, в особенности, в дневниковых, которые во многом подтверждают ранее сделанные исследователями выводы и предположения о многогранности писателя, но также автор стремится показать, что мировоззренческий путь Пришвина неуклонно вел его к принятию православной веры и православных норм в канонической форме, то есть Пришвин постепенно осознавал себя членом Церкви.

Перейдем к более детальному разбору некоторых умозаключений автора, в которых он анализирует искания Пришвина, его сомнения в вере, показывая, как в итоге Пришвин разрешал их в пользу доверия церковной традиции. В частности, С.В. Красников справедливо отмечает, что Пришвина не устраивал тот образ тёмного, мрачного Бога, который он встречал на иконах, будь то в церкви или в домах своих родственников. Автор совершенно справедливо констатирует, что Пришвин видел в этом образе (с которым он, кстати, сталкивался постоянно и в монастырях) проповедь умирания, некий латентный призыв к смерти или, по крайней мере, отпечаток смерти, выраженный православной иконописной стилистикой. И нельзя не согласиться с автором в его оценке Пришвина, где он указывает на неприятие Пришвиным образа тёмного и мрачного Бога, которого он не соотносил со Христом, а считал «псевдобогом христиан» (с. 69). Здесь справедливо указание на отличие позиции Пришвина от позиции Василия Розанова, который делал это отождествление и, напротив, видел рецепт жизнеспособности христианства в обмирщении, в отступлении от жёстких монашеских норм в сторону жизни мирян.

С некоторыми выводами автора, однако, сложно согласиться, либо согласиться в полной мере. Вернее, их видение автором лишь отчасти отражает реальную ситуацию, оставляя за скобками всю сложность Пришвинского Богоискательства. Например, он пишет: «Не имея возможности удовлетворить свои насущные потребности в богообщении, обретении смысла жизни и личного бессмертия в пантеизме, писатель был вынужден взаимодействовать с чуждыми ему религиями и сектами, опыт общения с которыми не приносил ему искомого, что заставляло писателя постоянно продолжать свои поиски. Этим объясняется столь значительная амплитуда колебаний и резкой перемены взглядов М. М. Пришвина, что нашло непосредственное отражение в текстах писателя».

Здесь мы вынуждены не согласиться с автором или, по крайней мере, сделать некоторые оговорки. Представляется, что богоискательство, интерес к различным религиозным движениям и сектантству Пришвина некорректно объяснять как некое вынужденное действие, как некую необходимость, идущую как бы вопреки внутреннему устремлению Пришвина. Нужно учитывать свойственный Пришвину с детства интерес к жизни в самых разных её проявлениях, желание самому открывать для себя мир, не ограничиваясь теми смыслами, которые пытались вложить в голову ребёнка взрослые или те ли иные лица, обладающие авторитетом. Неслучайно, что Пришвин одним из своих жизненных кредо делает отказ следовать какой-либо чужой мысли, то есть объявляет войну чужой мысли в себе, какая бы это мысль ни была. Поэтому неудивительно то, что Пришвин не готов довольствоваться в том числе догматическим Учением Церкви, правилами, полученными в Святоотеческом Предании, а стремится проверить всё лично, опытным путём и идёт знакомиться с представителями самых разных религиозных общин, идёт к сектантам, старообрядцам, например: немоякам, скрытникам, бегунам, христоверам (хлыстам), - знакомится с сектой Легкобытова и тому подобное. Из-за неудержимой тяги Пришвина к познанию природы, к странствованию по глухим лесам вытекает его путешествие к старообрядцам Выговских скитов. Старообрядцы Выга воспринимаются Пришвиным как неотъемлемая часть той самой природы, в которой он и обретал Бога.

В этой связи желание возразить вызывают многочисленные некритические ссылки на Александра Подоксёнова, утверждающего в целом негативное отношение Пришвина к религиозному сектантству. Несмотря на правоту многих наблюдений Подоксёнова, автору стоило бы всё же указать на спекулятивность некоторых выводов Подоксёнова, заставляющую задуматься об их тенденциозности.

Например, анализируя одну из богоискательских работ Пришвина дореволюционного периода «У стен града невидимого» (1908 г.), Подоксёнов старается доказать, что Пришвин выступал уже тогда критиком либеральных дореволюционных реформ, в частности, Манифеста о свободе вероисповедания 17 октября 1905 года и Закона о свободе совести 1908 года (Подоксёнов А.М. Михаил Пришвин: «Богоискательский» период в жизни и творчестве // Credo. New. 2015, №2 (82). <https://credo-new.ru/archives/509>). Подоксёнов обосновывает такой вывод путем интерпретации беседы одного из героев этого произведения со священником господствующей в России православной церкви, где православный священник жалуется на то, что одна из старообрядческих ветвей «воспользовалась новым законом и восстановила всю иерархию, восстановила старые церкви, построила новые, повесила колокола на них. Явилась новая церковь, совершенно такая же, как и допетровская, с правами, но почти без **обязанностей к государству**». По мнению Подоксёнова, в данной беседе Пришвин ужасается тому, что после Манифеста 1905 года власти страны стали разрешать старообрядцам свободно проповедовать и проводить открытые религиозные церемонии. Подоксёнов пытается выставить Пришвина сторонником запретов и ограничений религиозной свободы – что вообще противоречит всему духу Пришвинского умонастроения, в том числе тому, что Пришвину пишет А.Варламов. «Пришвинский Дневник вообще так устроен, что при желании из него можно надергать, искусственно подобрать каких угодно цитат и представить Пришвина великим борцом с системой, конформистом, писателем-христианином, пантеистом, язычником или даже богоборцем, последовательным реалистом или модернистом, а то и постмодернистом, патриотом, русофобом. Многое тут зависит от выбора позиции читателя и исследователя, и поэтому воистину у каждого из нас – свой Пришвин» (Варламов А.Н. Пришвин. (Серия «Жизнь замечательной людей»). М., 2017. С. 55.). Нельзя не учитывать это замечание Варламова при попытках выделить у Пришвина ту или иную мировоззренческую линию.

Ещё одно замечание вызывает некритический взгляд автора на идею того, что Пришвин разделял взгляды Николая Фёдорова и его ученика А. К. Горского на преображающее и

приводящее к жизни творчество. Действительно, какое-то время писатель действительно проявлял интерес к идеям философа, также как и у другим богоискателям, философам, мыслителям, и размышлял о фёдоровских идеалах в контексте чаяний невидимого Града Китежа. Пришвинские идеи «родственного внимания» позволяют увидеть влияние отдельных идей Н.Федорова в творчестве писателя, как впрочем, и фёдоровский пафос отрицания смерти, неприятие того, что фёдоровцы называли «смертобожничеством», фёдоровские идеи у Пришвина пересекаются с критикой церкви в связи с ее акцентом на человеческой греховности. Также не сложно увидеть идеи социальной справедливости, высказываемые фёдоровцами, были чувствительными для Пришвина. Но Пришвин в не меньшей степени и критикует фёдоровцев, соотнося их с сектантством. Он подчёркивает также сходство между пафосом социализма и фёдоровства в 1930 году, и те упрёки, которые Пришвин высказывает социализму, он адресует и фёдоровскому движению, ставя иногда и то и другое явление в один ряд. Например, он упрекает социализм за развитие культуры без личностного начала, соотнося как раз критику социализма с критикой фёдоровских идей, критикуя за разговор о воскрешении отцов без Христа и снижении значения личности. Он сравнивал сталинские трудовые кампании, направленные на прорыв в экономике, с преобразовательным пафосом фёдоровского движения. Так, в дневнике 1928 года можно увидеть такую запись: *«Комсомольцы в Сергиеве объявили весеннюю организацию в посевной кампании с начальником штаба и т. п. С одной стороны, вспоминается фёдоровское применение военных сил в борьбе с природой, с другой - аракчеевские военные поселения»* - такая запись есть в Дневнике Пришвина от 1928 года. Упоминание военных поселений говорит о том, что в преобразовательном пафосе Фёдорова Пришвин видит ещё и военный.

Рассуждая о том, какое соотношение для Пришвина играло чувство Бога в природе и обнаружение Бога в Церкви, нередко делает подмену причинно-следственной связи в объяснении религиозности Пришвина. Например, он пишет, что «большую часть жизни автор избегал опыта молитвы в Церкви, поскольку считал, что церковная организация утратила живую связь с Богом. По этой причине функцию храма для него исполняла сама природа» (страница 113). Данное утверждение противоречит важнейшему мироощущению Пришвина, которое можно наблюдать на протяжении всех дневников всех лет, а не в какой-то один период. То есть согласно автору, получается, что любовь Пришвина к природе носит как бы вторичный характер, а не первичный, является как бы вынужденной, предстаёт лишь как следствие его разочарования в Церкви, в то время как всё творчество Пришвина свидетельствует о том, что ощущение священного в природе было для него первично и не зависело от каких-либо иных факторов - будь то отношение к религии, к Церкви, к событиям личной жизни и так далее. Трудно представить себе, чтобы восхищение красотами леса, озёр, в том числе зарастающих мшарами не только у Пришвина, но и вообще у кого бы то ни было может возникать по остаточному признаку. Автору диссертации в этой связи стоило бы внимательнее относиться к тем работам, где говорится о том, что природа может представлять для человека, в случае если он особо тонко чувствует гармонию, трансцендентную реальность. То есть иными словами, если природа помогает прозревать, чувствовать Бога, она тем самым в сознании человека превосходит саму себя и предстаёт как нечто трансцендентное. В этой связи автору стоило бы обратиться к творчеству Валерия Петровича Петровича (который говорил о таком феномене, как литургизация природы в творчестве Пришвина), показывая, что между религиозным отношением к природе и погружённостью в церковную мистику отнюдь не обязательно нужно видеть противоречия. Собственно, автор в некоторых местах и пишет о том, что природа выполняла для Пришвина функцию храма, предоставляя те же возможности для молитвы, что и церковная служба, но совершенно не видно оснований (автор их и не приводит) говорить, что такую функцию природа выполняла лишь в силу того, что Пришвин разочаровался или не до конца понял назначение Церкви.

Заметим, что религиозное восприятие природы в сочетании с желанием видеть в ней выражение некоей церковной реальности (литургизация), которое мы видим у Пришвина, отнюдь не единственное, и мы можем обнаружить подобные примеры в мировой культуре, например, в традиции американского религиозного натурализма. Заметим, что все же не стоит ограничиваться маркированием религиозного восприятия природы Пришвином в качестве пантеизма, хотя конечно предположение пантеизма вполне напрашивается, тем более, что и сам Пришвин признает некоторые свои ощущения в качестве пантеистических, а также учитывая склонность Пришвина отторгать в отдельные минуты идею личного Бога, а также идеи антропоморфизма. Но мироощущение Пришвина, сосредоточенное на восприятии природы, некорректно ограничивать пантеизмом. Все же пантеизм - слишком общее понятие, обозначающее способность человека

видеть присутствие Бога во Вселенной буквально во всём и везде. Пришвин же всё-таки выделяет дикую, причем именно средневропейскую природу особым образом, а также выделяет природное пространство сельской местности, сопряжённой с близостью дикой природы, оно для него приоритетно по отношению к пространству городскому, по отношению к социальной среде. В сообществе людей Пришвин не прозревает Бога с такой же ясностью, как в природе, что показывает, что Пришвина нужно определять также и как религиозного натуралиста, а не только пантеиста. Здесь предполагается апелляция к традиции религиозного натурализма, представленного особенно ярко в XX веке в США. Автору стоило бы внимательнее отнестись к работам, в которых взгляды Пришвина соотносятся со взглядами Генри Торо (см.: Е.А. Ерофеева в работе «Диалог хронотопов в художественном мире Генри Торо и Михаила Пришвина» // Cross-Cultural Studies: Education and Science (CCS&ES). Vol. 6. No. 2. P. 6-13; Кнорре (Константинова) Е. Ю. Философия земли М. М. Пришвина в контексте экотеологии // Крестьяноведение. 2024. Т.9. №3. С. 73-91), а также со взглядами К.Паустовского (Кнорре Б. «В глубину торжественных и тихих лесов»: лес как пространство спасения в послевоенном творчестве М. М. Пришвина и К. Г. Паустовского // Русская словесность. 2023, №3. С. 63 – 76; ; Кнорре Е. Ю., Кнорре Б. К. «Этому лесу не будет конца»: пространство леса в творчестве М.М. Пришвина и К.Г. Паустовского // Творческое наследие Константина Паустовского в XXI веке: сборник научных трудов : Выпуск 2. М.: ООО «Макс Пресс», 2023. С. 35–45.). В них не говорится. Заметим, что особенно сильную корреляцию взгляды Пришвина обнаруживают с философией религиозного американского натуралиста Джона Мьюира. Так же как и Пришвин, Джон Мьюир был хорошо знаком с культурой Церкви (в традиции Шотландской церкви). Джон Мьюир так же, как и Пришвин, отказывался принимать некоторые библейские образы в их церковном понимании, в том числе говорил об упрощённости персоналистического Бога. При этом Мьюир так же, как и Пришвин, видел в природе явление божественной благодати и даже Славы Божией.

Делать вывод о том, что Пришвин к концу жизни пришел к нормативной церковности, и решил предпочесть церковное мироощущение своему возвышенному отношению к природе считаю не очень корректным. По крайней мере, этот вывод требует многих оговорок. Пришвин так и не принял того пафоса обличения греховности человека, критики плоти, который свойственен для церковной традиции, в связи с чем уже в поздних дневниках не соглашался даже с ап. Павлом, а также критически высказывался относительно соответствующих идей у Достоевского. О позиции Пришвина свидетельствуют его предсмертные слова в разговоре со священником, когда Пришвин на смертном одре говорит, что хочет не столько покаяться, сколько хочет поблагодарить Бога за неизреченную милость, оказанную ему.

Говорить о церковном сознании Пришвина, тем не менее можно и нужно, но нужно рассматривать его в контексте вопроса о формировании мирянской этики, о недостатке ее в церковной традиции, о чем писал в свое время Георгий Федотов. Вот тут Пришвин действительно может быть не оценен, и его творчество способно внести вклад в будущее богословия мирян в традиции православия, у которого безусловно большое будущее.

Заключение. Указанные недостатки я высказал в качестве приглашения к дискуссии, а отнюдь не для того, чтобы принизить ценность диссертации Красникова Сергея Васильевича по теме «**Религиозно-нравственная проблематика в творческом наследии М. М. Пришвина**» . Работа С.В. Красникова является оригинальным, самостоятельным, завершённым квалификационным исследованием, в котором решаются актуальные научные задачи. Стиль автора заслуживает похвалы, текст очень приятно и легко читать. Аргументация достаточно понятна и ясна. Выводы диссертации обладают теоретическим и практическим значением. Результаты исследования опубликованы в трех статьях в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ для размещения результатов научных исследований соискателей научных степеней; они также прошли апробацию в докладах автора на научных мероприятиях. Автореферат диссертации и опубликованные автором работы отражают содержание диссертации

На основании вышеизложенного можно заключить, что диссертация Красникова Сергея Васильевича по теме «**Религиозно-нравственная проблематика в творческом наследии М. М. Пришвина**» соответствует требованиям п. 9. п. 10. п. II. п. 13. п. 14 «Положения о присуждении научных степеней» (утверждено постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г. № 842), а ее автор заслуживает присуждения искомой степени

кандидата теологии по специальности 5.11.3. Практическая теология (по исследовательскому направлению: православие).

Официальный оппонент: Кнорре Борис
Кириллович ученая степень; кандидат
философских наук
специальность: 5.7.9. (бывш. 09.00.14) Философия религии и религиоведение Название
организации: ФГБУЗ «Научно-исследовательский университет Высшая школа
экономики» (НИУ ВШЭ)
Подразделение: Школа философии и
культурологии Должность: доцент
Адрес: 101000. Москва,
ул.Мясницкая, д. 20. e-mail;
bknorre@hse.ru Тел.: +7(495)772 95 90

08 марта 2026 г.

Подпись заверяю

СПЕЦИАЛИТ ПО
КАДРОВОМУ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВУ
УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛА
ЛАПИНА Е.А.

10.03.2026

